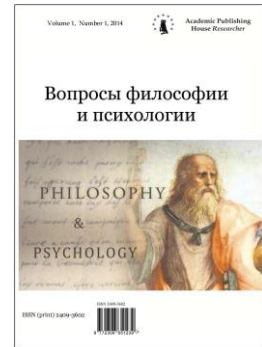

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 1889.
ISSN 2409-3602
Vol. 5, Is. 3, pp. 166-174, 2015

DOI: 10.13187/vfp.2015.5.166
www.ejournal20.com

UDC 1

Sociality and Truth: the Problem of Interpenetration (Part 2)

Victor V. Ilyin

Bauman Moscow State Technical University, Russian Federation
5, 2-nd Baumanskaya, Moscow 105005
Doctor of Philosophy, Professor
E-mail: vvilin@yandex.ru

Abstract

In the epistemological play «social organization» is not always guaranteed befitting a worthy role. Nonclassical epistemology of antitraditionalism (pragmatism, instrumentalism, conventionalism, structural functionalism), focusing not on «universal», and on the particular subject loses its docking crinoline calling interpretation of sociality in sociological paradigm «conditions» - the pre-entrance instance, giving an external facet or another cognitive values. In anticipation of blocking the translation of epistemology in sociology (involvement of external to internal justification), the same pier, in thinking through the increasing respectability of life knowledge highlighting (on personal level) method of persistence; (group level) method of authority; autonomicity (at the level of thinking activity) the method of science - logical-empirical standardization of shape identification techniques based on volumetric deductive-inductive-traduction-abductive proof.

The stumbling block of non-traditional epistemology is the inability of reflection the «sociality» from the perspective of actual knowledge, inability to incorporate her (not as a «functionalized thinking») in the structure of mental acts.

Keywords: truth, sociality, cognition.

Основное содержание. *Целевой аспект.* «Человек становится тем, что он есть, благодаря делу, которое он делает своим», – констатирует Ясперс. Самость человека оформляется в самоактуализации, связанной с обмирщением целей. Целевой ордер человеческого самоутверждения обязывающ в отношениях

– конститутивно–онтологическом: ставящий, преследующий, добывающийся исполнения целей человек действует как «титованный властелин природы»[6, С. 462–463], – созидает вытекающие из «перспективности сущего»[12, Вд. 15 §12.] ценности;

– конститутивно–антропологическом: определяемая самовозвышающей культурой постановка целей стимулирует человеческое развитие;

– конститутивно–социологическом: целевое самопроявление человека есть проявление, утверждение общественной жизни[7, С. 590], расширение потребностей;

– конститутивно–гносеологическом: целевое саморазвитие человека индуцирует расширение познавательного саморазвития[8, С. 387.].

Согласование цели и результата, лишенных априорной конкордии, традиционная философия осуществляет в опоре на ресурс – телеологии (от Аристотеля до Э. Гартмана). Лейбниц для этого случая вводит специальный принцип «архитектонической детерминации

в природе» – принцип целесообразного действия в нашем «наилучшем» из возможных мировых порядков.

Исходя из того, что суть мудрости в том, чтобы не быть легковерным (Эпихарм), подчеркнем следующее.

Человек как существо самоутверждающееся вопрошает не о том, что есть, а о том, что может быть [13, S. 89]. По этой причине способом полагания бытия выступает преследование целей. Будучи «пограничным понятием» (Наторп), цель

- концентрирует образы потребного, чаемого, вожделенного;
- играет роль регулятивного принципа безусловного;
- сообщает значимое априори содержанию деятельности.

Расцветенная цветами целей человеческая реальность не бесцельна; применительно к ней неправомерно спрягать фигуру «бесцельная онтология». Человеческая мера сущего достигается инкорпорацией целей, заимствуемых не из телеологии (Лейбниц), а из жизни. Предельной питательной средой целей, смыслов, значимостей для человека выступает жизнь – мир *Lebenswelt*.

Последнее существенно редактирует техноморфную продуктивность. Динамика ее достаточно сложна.

Первая фаза – отягощение целью.

Вторая фаза – воображение как особый вид интеллектуального осуществления реальности.

Третья фаза – координация схемы чаемого с наличными возможностями.

Четвертая фаза – обмиршение цели.

Круг замыкается. Цель инспирируется тщанием усовершенствовать жизнь и возвращается в жизнь в инспирации пребывать в совершенном. Интерпретация движения в данном кругу как изначально положительного, гарантийного, конечно, беспочвенна. Человек – дикобраз, подчеркивает Шопенгауэр, колет, кто ближе и чем ближе – сильнее. Цель может быть любой. Потому воплощение цели (мечты) требует не только труда, но и ощущений вечного масштаба.

В установлении последнего есть свои тонкости.

1. Микроуровень. Аристотелевская *causa finalis* вне и помимо мистических телеологических контекстов интерпретируется вполне реалистически. Уместно принять во внимание: лат. *finis* означает «конец» и «цель». Полагание цели *volens – nolens* предполагает введение модели «завершения» – конечной фазы, стадии. Обозначаемая цель как объект желаний сама по себе есть бытие конечное, должна удостоверяться сеткой каких-то легализующих установлений. Предельный конституирующий базис целей Лейбниц усматривал в достоверности. Метафизическая достоверность логически принудительна. Научная достоверность в случае логической необходимости самоустанавливаема (табличный метод удостоверения истины по характеру следования); в случае физической необходимости верифицируема (замыкание «реальных определений» на SR). Моральная (добавим от себя – правовая, политическая) достоверность выявляется не логикой (она не принудительна), а практической целесообразностью (высокая гуманистическая кондиция которой имманентно закладывается предположением о действительном мире как наилучшем из возможных миров, что на деле, к несчастью, не оправдывается ни повседневностью, ни тем более форс-мажорными условиями существования в периоды кардинальной ломки экзистенциальных устоев, низводящих жизнь до убогого трепетания пресловутой «былинки на ветру»; утрачивающую всю и всякую самоценность).

Жить сознательно-целесообразно (целерационально), не уповая на привилегии Провидения, на локальном уровне (в обыденности) позволяет восстановление исконного смысла *totalis* – от лат. *mos* – «обычай», «правило», «обыкновение». Иными словами, достоверность целей в фундаментальном измерении жизнеподдержания конституируется моментом неразрушимости привычного хода вещей. С позиций сказанного, предельным конституентом целей оказывается не лейбницевская «достоверность», а ответственность жизнеподдерживающей позиции *Lebenswelt*, на базе которой, кстати, складываются ВК и ВС, – не существует единомыслия, но существует единомыслие относительно мировосприятия, включающего единовидение SR в символическом ареале фации.

Не применим подчеркнуть: цели не могут быть «научно обоснованными» (социально–политические, гражданские, жизненные курьезы «научно обоснованной программы партии», «научно обоснованной» стратегии «500 дней» и т.д.); цели ставятся, заимствуются из ненаучных отсеков духовного и практически–духовного символического. Главное, чтобы они оказывались сбалансированными с правилами жизнестроения на персональном уровне жизнестроения, не шли вразрез с обыденно–практическими убежденностями Lebenswelt.

2. Макроуровень. Микроуровень зиждется на регулятивах самовоспроизводства; макроуровень – на регулятивах, позволяющих конституировать бытие не только с определенными, но с вполне определенными свойствами.

В отсеке «познание» речь идет о фундаментальных основоположениях разума типа «золотого фонда» мысли – законов сохранения, «анагогических» результатах типа аксиомы Евдокса – Архимеда (вещественность числовой характеристики положительной скалярной величины, мероопределенность которой лежит в основе мероопределения всех других величин); аксиомы Евклида (целое больше части); аксиомы Аристотеля (антитипия – невозможность для нескольких тел занимать одно и то же место одновременно); аксиомы Эйлера (функциональные зависимости между специфическими величинами в объекте всегда таковы, что некоторые интегралы от соответствующих функций принимают экстремальные (минимальные или максимальные) значения, т.е. мера объекта подчинена некоторому вариационному принципу); аксиома непрерывности (аксиома Кантора; аксиома Дедекинда; аксиома Вейерштрасса).

В отсеке «жизнь», «человеческое взаимодействие» речь идет о

– блокировании хищничества, эгоцентризма, индивидуализма, волонтаризма, автономизма, с позиций которого «каждый для себя – цель, все другие суть для него ничто»[3, с.211].

– культивации человеколюбивого сопричастия, связанного с обостренным чувством собственных границ: тот, кто угадывает, находит, принимает свои границы, – отмечает Валери, – более универсален, нежели тот, кто границ своих не сознает[2, с.188].

Разворачивается, следовательно, привитие чувства человечности, имеющее обратной стороной борьбу с саламандрами человеческого рода[11]. Уровень высоких самосозидательных гуманитарных регулятивов подчинен

– борьбе с античеловечностью: в широком смысле – борьбе с «завершением человека» в поставе (всепоглощающая машинерия производства); консьюмерации (всепоглощающая машинерия потребления); погрязании в символических условностях (всепоглощающая машинерия неподлинности – симулякров); парализацией творчества (всепоглощающая социальная, экзистенциальная апатия, инерция в лице функционализма, институционализма, инструментализма);

– борьбе за человечность: вся жизнеориентирующая, нормирующая регулятивная формация – мораль, нравы, традиция, право в лице назидательной дидактики – нацелена на созидание человечности. Вникнуть в суть непреходящего: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними»[10]. О чем речь? О «бесконечных ценностях», «золотых правилах», реперах культуры (фиксируемых в фольклорно–эпических, притчевых формах):

- «Бог долго ждет, но больно бьет»;
- «Людам сила бесполезна, если богу не по праву»;
- Безумец служит счастью. Как вода
Оно уйдет – неведомо куда.
Лишь в правде и добре ищи отраду
И в мире вечном обретешь награду.

3. Мегауровень. Уровень высочайших регулятивов, несущих идею благоговения перед жизнестроительными, жизнеподдерживающими ценностями с прописной буквы, – идеалы: Жизнь, Бог, Любовь, Справедливость, Свобода, Равенство...

Генетически высокие ценности отвлечены от целей. Операционально постановка, преследование целей осуществляется по ценностям. В силу своеобразного оборачивания складывается чувствительная органическая система «универсальных начал, объединяющих мысль и жизнь человечества» (В. Соловьев). Цели в блоке с ценностями организуют

поведение, сообщая ему генеральные интенции, «связывая» свободу, предопределяя движение на достижительность с позиций идеалологичности.

Действия лиц не механичны, они аксиологичны. Филантропия декабристов провалила революцию сверху. Мизантропия большевиков исказила революцию снизу.

История есть созидание того, чего нет в природе. Как оно протекает? По впитанным личностью, отстаиваемым ею идеалам. Всякая частная правда, замечает Голсуорси, «плоска как блин». Но она вынуждает некую бытийственную конструкцию.

Риккерт, Виндельбанд, Шелер, Гартман разрывали мир и идеал, помещая ценности в надвременное трансцендентное царство. На деле ценности совмещены с действительностью за счет встроенности в деятельность.

Бытие и мышление не тождественны. Должное и сущее не совпадают. Преодоление разобщенности одного и другого происходит в реальном преображении мира в актах позитивного жизнотворчества.

Ценности (идеалы) вторгаются не извне. Через мотивацию, стимуляцию, инициацию поведения, генерацию превентивных образов, антиципирующих схем – изнутри – они регулируют созидание сущего.

Дайте мне ценности, и я сотворю мир. Сотворю, объективируя понятие, идеальное.

Ценностная экипировка актантов опыта оранжирует природное и гражданское зодчество. Тот же коммунизм – в зависимости от характера его воплощающих – принимает разные формы: от полной свободы до полного рабства.

Поскольку созидание, продуктивная деятельность есть работа, заставляющая жить то, чего нет, постольку встает аналитическая задача самокритики наставляющих опыт ценностей. Суть в том, что для опыта, как такового, нет ничего невозможного.

Крик вырывается скорее, чем его издают. «Я» является *causa efficiens* бытия, неся в себе повышенную опасность неоднозначности обмирщаемых ценностей (идеалов). Дали идентифицировал жизнь с «умывальниками», Састре – с «великими темами». Если идеи правят миром, возникает проблема качества идей: ложные идеи имеют то неудобство, что долго изживаются.

Опыт выстраивает существование по ценностям (идеалам), конкретным отображательным формам. Но часто в руках того, «кто дерзает, кто хочет, кто ищет», средство превращается в цель. Как тут не вспомнить, скажем, «мировую революцию», по поводу которой Ленин уточнял: «Никакого острова утопии здесь нет. Дело идет о создании социалистического государства... дело не в России, на нее... мне наплевать – это только этап, через который мы проходим к Мировой революции»[9, с.246].

Итак, наплевать на реальное во имя мнимого... Искраженные отражения персональных душ, непрочность, иллюзорность даже высочайших субъективных порывов обостряя сюжет «в чьих руках молния», обязывают прибегать к ресурсу аксиометрии – введению оценок ценностей в зависимости от практических предпочтений.

Назначение ценности – вводить регламенты конструирования бытия. Назначение оценок как «коренного факта» (Виндельбанд) удостоверить качество ценностей. В среде специалистов нет единства по вопросу статуса оценочных суждений, являются ли они дескриптивными или нормативными. Сюжет тонкий. Не входя в логические нюансы и представляя всю полноту изъяснений о действительности в пределах триады: аскрипция (приписывание) – дескрипция (описывание) – прескрипция (предписывание), примем, что оценочные (квалифицирующие) суждения включают все указанные моменты. Суждения «как нужно», «как должно» *quantum salis* не могут не опираться на базальные схемы «как есть». По этой причине противопоставление прескрипции дескрипции (как правило, с игнорированием аскрипции) неправомерно.

Главные функции аксиометрии – конституировать отношение предпочтения, вводить ранги удовлетворительности посредством развертывания преференциальных шкал, налаживающих ориентационно-поисковые акты, акты «принятия – отвержения» (Н. Гартман).

Базовыми качественными показателями преференциальных шкал являются ценности, роль которых играют деонтологические предложения. При этом любой предрассудок, выступая не более, чем полуправдой, может стать принципом. Скажем: социал-демократия Германии противостояла войне, но в 1914 г., выказав патриотизм, отказалась от

превращения войны империалистической в гражданскую, активизировала борьбу за победу отечества. Как констатировала Р. Люксембург, «организационная мощь и хорошо известная дисциплина социал-демократии привели к блестящему результату. Было достаточно приказа кучки парламентариев, чтобы в течение двадцати четырех часов... масса из четырех миллионов человек повернула назад и позволила впрячь себя в тележку империализма, разрушение которого еще вчера было смыслом ее существования».

Базовыми количественными показателями преференциальных шкал являются величины, учитывающие множества людей, совершающих свободные и принудительные действия.

Формулировку, интерпретацию закона свободных действий людей дает А.А. Давыдов[4]. Им начатый проникновенный разговор о параметраже человеческой материи ограничим такими фиксациями.

Закон свободных действий выражается равенством

$$FA = N * P / N * W / P \quad (1)$$

где FA – множество людей, совершивших сводное действие; N – размер генеральной совокупности; P – множество людей, потенциально совершающих свободные действия $0 \leq P/N \leq 1$; W – множество людей, склонных совершать свободное действие, среди P , $0 \leq W/P \leq 1$ [4, с.109].

Из (1) получается (2), демонстрирующее суммарную ограниченность возможностей и склонностей в свободных действиях людей (показатель C)

$$C = (1 - P/N) + (1 - W/P) = \text{const при } FA = \text{const.} \quad (2)$$

На основе (1) и (2) приходим к третьему равенству

$$A = FA + CA,$$

где A – множество действующих людей; FA – множество свободно действующих, CA – множество вынужденно действующих людей [4, с.111-114].

При наложении соответствующих рассчитываемых по данным формулам величин на показатели структурной гармонии и дисгармонии социальных систем, фундируемых числовой пропорциональностью общественных связей, возникает крайне инспирирующая модель социально-исторических оптимумов (универсалий). В который раз убеждаешься, что ценности (в регуляризации обмена деятельностью) становятся действенными регулятивами весьма продолжительных, ответственных периодов человеческого самоутверждения.

Столкновение «высоких требований с реальной немощью» (В. Соловьев) преодолевается объективацией ценностей, обмирщением идеалов. Идеалы – высшие ценности, «конечные смыслы» бытия, «категории, расширенные до безусловного» (Кант) – есть мерило того, что «в своем роде совершенно» [5, с.502]. Идеалы не дают, а требуют. Не от жизни, не от бытия, не от сущего – от человека.

Имея сверхчувственное наполнение, концентрируя человекозначимые отношения, идеалы удовлетворяют не «природе разума», но «природе человека» как носителя ценностного. В подобном своем качестве они «вливают».

Традиционный и мнимо острый вопрос: как идеальная реальность воздействует на бытие, как должное влияет на сущее, получает лишь один приемлемый ответ: 1) через целеполагание деятельности; 2) через внутреннее возвышение, экзистенциальный рост.

Главное при этом – не превращать умеренность в крайность, предотвращать этатизацию ценностей.

Разительный контраст по обозначенному являют обстояния Запада и России. На Западе вопросы ценностей вследствие атомарности сосредоточены в частной сфере, в России вследствие синкретичности – во властно-государственной. Развитие социальности здесь подчинено правилу монополизации властью ценностных аспектов жизни. Апофеозом такой монополизации стал тоталитаризм, всецело определявший углы, градиенты аксиологических дрейфов. На Западе приватизация ценностных отношений влекла, с одной стороны, универсализацию единой и единственной ценности в лице национального интереса, а с другой – стимулировала политико-социальную консенсуальность (ввиду легитимности гражданского плюрализма). В России этатизация ценностных отношений умножала раскол, усиливала расслоение на адептов и «внутренних врагов», увеличивала напряженность, репрессивность исключала преемственность.

Новая ценность – новый курс. Не продолжение старого на основе улучшения, а тщание нововведений на базе разрушения. С неперемной ликвидацией апологов прошлого.

Владимир дал Руси ценности. Петр начал их изничтоживать. Ударил по церкви (обмирщение, отмена патриаршего духоводительства, замена предстоятеля национальной веры светским лицом – оберпрокурором Синода, индульгенция на нарушение тайны исповеди в случае подрыва интересов государства (характерная деталь – на Западе нарушение этого таинства – трагедия для представителя культа (фабула «Овода»), тогда как в России – моральный долг)), старомосковской старине, домостроевской святой Руси (подавление стрелецкого бунта – кульминация и финал борьбы с традицией), принялся за европеизацию, перенес столицу (географический раскол державы). Взяли власть большевики – огнем и мечом стали внедрять антизападничество, что потребовало новой духовной апологии, а значит, интеллигенции. Отечественная интеллигенция в массе была уничтожена (вырезана, выслана). В цивилизационной пустыне развернулось возведение рукотворного памятника новым порядкам.

Столь неорганический стиль реформирования – от идеократичности. Он будет воспроизводиться до тех пор, пока страна, государство, народ пребывают в заложниках у носителей очередных, а то и внеочередных ценностей. Социальные ценности и частная жизнь должны быть правовым способом надежно разведены, разграничены. Тогда Россия приобретет гарантии от коловращения по тлетворному циклу, имеющему фазы: самоневерие – самоиспытание – самоистязание. Мы более не в силах начинать сначала, как Ромул, на пустом месте; оглядываясь назад, понимать, что сделано нечто не то, и посему, точно китайский болванчик, падать в обморок.

Всё знают только все. Развенчание дефектной практики выступления от абсолютных истин обязывает принять: начальная ступень истины – справедливость, высшая же – милосердие, и руководствоваться этим в социальных починах.

Гносеологическое резюме сказанного:

– на микроуровне истина позиционируется в понятийной сетке «прагматическая когеренция», – в условиях триады «цель – средство – результат» процесс поглощен достижением сбалансированности звеньев «цель» – «технология» – «утилизация ценности»;

– на макроуровне истина позиционируется в понятийной сетке «практическая корреспонденция», – в условиях созидания потребного бытия процесс поглощен достижением «адекватности» с опорой на обстоятельства SR, выявляемые практически;

– на мегауровне истина позиционируется не как процесс, но как достигнутое наличное состояние (следовательно, с девальвацией гносеологии, тематизирующей «магистраль истины»): субъект поглощен не исканием, но пребыванием в истине. Соответственные версификации локусов человечности в таких фазисах находятся в финалистских доктринах родового призвания, погружающих человечность в идеально завершенные точки своего собственного развития. Таковы сценарии спасительного пристанища человечества среди бурь житейского моря: «Истина – Бог» (теология); «Истина – Рай» (телеология); «Истина – любовь» (амитология Сорокина); «Истина – Вечная женственность» (Соловьев); «Истина – Жизнь» (Швейцер).

Все дело, однако, только в том, что за воротами любого рая – новая дорога, – «тонкость природы во много раз превосходит тонкость рассуждений», «тонкость чувств и разума» [1, с.15,13].

Гносеология исследует не финальные, а процессуальные состояния мысли, – предметную и понятийную отнесенность познания и его продуктов (знание, истина) к способам социально–исторического их получения. Профессиональное притязание гносеологии – рефлексия выработки мыслительного достояния в качестве некоего когитального усилия, замкнутого на специфические сцепления понятийно–логических форм, фациальные контурные и стратегические типажи идейных решений.

Тематическое ядро гносеологии – не трансцендентный опыт достижения сверхчеловеческих объективно–логических универсалий, а социокультурно размеренный ток кристаллизации символических уникалий, отображающих конкретно–ситуативные возможности порождающих их времен, эпох, этапов. Контроверза: «объективно–логические универсалии – конкретно–ситуативные уникалии» образует нерв противостояния

нереалистичной трансцендентальной – реалистичной фациальной (интервальной) философии познания.

Первая комбинирует неверифицируемыми, запредельными умозрительными концептами внеисторических субъект–объектных связей, приобщающих к трансцендентным когитальным значимостям «в себе», «ни для кого». Вторая – рефлексивное абстрактно–теоретическое выражение познавательного процесса увязывает со значимостями в пределах эвристических (ценностных) ареалов социокультуры.

Апелляция к живой душе социокультуры, избавляя от мистических несообразий («узрение», «предустановленность» и пр.), создает предпосылки выстраивания вполне предметных рассуждений об оформлении познавательных возможностей, вероятность материализации которых зависит от конкретных условий фаций. Идея ситуативности, входя в гносеологическую символику, внедряет «определенность» в череду событий когитального мира, тематизирующей его эпистемологии. Последняя, с учетом данной «определенности», оказывается эпистемологией социальной.

Поскольку есть содержательные области, полномочные реквизиты которых установить трудно, для четкой демаркации социальной эпистемологии от традиционной эпистемологии (игнорирующей эффекты социальных перипетий знания), с одной стороны, и традиционной социологии (расценивающей подобные эффекты как внешний фон вполне автономных явлений), с другой стороны, необходимо обременять внимание следующим. Социальная эпистемика утрирует социальную проекцию познания в виде не персональных, институциональных, но категориальных детализаций. Глубоко интимное переживание, осмысление (переосмысление), толкование (перетолкование) реальности детерминирована не постылой заученностью, а предоступительными предметно–смысловыми настройками мыследеятельности, идущими от способов идейной взаимообработки людьми друг друга, силы традиций, складывающихся в цельность образных обобщений, типизаций действительности. Говоря кратко, социальная эпистемика поднимает на щит инвариантные формы символического мироподобия, которые со стороны качества когниций ни одной из когнитивных дисциплин не рассматриваются.

«Несчастливы те люди, которым все ясно», – высказывал Пастер. То небольшое, что проясняется в ходе исследования, заключается в соображении: фигуры знания не предвечны (всеобще–необходимы в некоем абсолютном смысле), – являясь прямой инкарнацией уникальных эпох, они рождаются в пределах исторических границ тех или иных отношений субъективности к миру – миропознаний с собственным самосознанием.

Подчеркивание данного, исключая наделение истины «прозрачностью», равно как разрушая фетишизируемый механизм интуитивно–созерцательного запечатления, нацеливает на отслеживание актуального жизнетока положительно организуемого познания.

Нет истин как отстраненных надсубъективных внеисторических сущностей; есть истины категориально–логически оформленные, символически представленные, темпорально фиксированные. Разнящиеся по эпохам категориально–логические одействования, символические опосредования и суть не что иное, как социокультурные фациальные полагания. Времена смещаются, вырабатывая интервальный образ мироздания в разной стереоскопии.

Истина в ракурсе «фациальность» (интервальность, хронотопность) вовсе не отменяет идеологии «объективности» знания. Одновременно отстаивание объективности знания напрямую не влечет идеологии внесоциальности, внесубъективности знания, – конструкции познания «без познающего субъекта». Гносеологический платонизм от модели автора «царства идей» до моделей авторов царств «объективного содержания мысли», «содержания текстов, библиотек» до мозга костей мистичен; поддерживать его в наш просвещенный век после неснятой проникающей убийственной критики означает спускаться на затертую и пустую позицию.

Темный предрассудок старины преодолевается платформой естественной историчности мыслительной динамики.

Отображающее действительную природу познания социально–эпистемическое его понимание покрывается идеей совместного бытия с ключевым понятием растворения своей подлинности в ином – способе бытия другого. В более пространной транскрипции:

гносеологически перспективное толкование бытия в модусе «познание» связывается с моделью познания как деятельности, а не ее результата (гумбольдтовское различие «энергии» и «эргона»). Бытие в символическом освоении представлено в разных духовных и практически–духовных деривативах. Способом существования бытия в духовном производстве выступает знание – системно–логически, теориейно организованная истина, – истина, имеющая категориально–структурное и субстанциональное воплощение.

Примечания:

1. Бэкон Ф. Сочинения. в 2тт. Т. 2. М., 1978.
2. Валери П. Об искусстве. М., 1976.
3. Гегель В.Г.Ф. Сочинения. Т.VII. М. –Л., 1934.
4. Давыдов А.А. Системный подход в социологии. Законы социальных систем. М., 2004.
5. Кант И. Сочинения. Т. 3. М.,
6. Кант И. Сочинения. Т.5. М., 1966.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.25. ч. II.
9. Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть. Париж, 1984.
10. Мф. 7,12.
11. Чапек К. Война с саламандрами. Сочинения. Т. 5. М., 1959.
12. Nietzsche F. Werke. Leipzig, 1894–1912.
13. Schelling F. Samtliche Werke. Bd. 2. Abt. III. B., 1856.

References:

1. Bekon F. Sochineniya. v 2tt. T. 2. M., 1978.
2. Valeri P. Ob iskusstve. M., 1976.
3. Gegel' V.G.F. Sochineniya. T.VII. M. –L., 1934.
4. Davydov A.A. Sistemnyi podkhod v sotsiologii. Zakony sotsial'nykh sistem. M., 2004.
5. Kant I. Sochineniya. T. 3. M.,
6. Kant I. Sochineniya. T.5. M., 1966.
7. Marks K., Engel's F. Iz rannikh proizvedenii. M., 1956.
8. Marks K., Engel's F. Sochineniya. T.25. ch. II.
9. Mel'gunov S.P. Kak bol'sheviki zakhvatili vlast'. Parizh, 1984.
10. Mf. 7,12.
11. Chapek K. Voina s salamandrami. Sochineniya. T. 5. M., 1959.
12. Nietzsche F. Werke. Leipzig, 1894–1912.
13. Schelling F. Samtliche Werke. Bd. 2. Abt. III. B., 1856.

УДК 1

Социальность и истинность: проблема взаимодействия (статья 2)

Виктор Васильевич Ильин

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана,
 Российская Федерация
 105005 г. Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1
 Доктор философских наук, профессор
 E-mail: vvilin@yandex.ru

Аннотация. В гносеологической пьесе «социальной организации» не всегда гарантирована подобающая достойная роль. Неклассическая гносеология антитрансцендентализма (прагматизм, инструментализм, конвенционализм, структурный функционализм), фокусирующаяся не на «всеобщем», а на партикулярном субъекте, утрачивает свое доктринальное призвание трактовкой социальности в социологической

парадигме «условия» – привходящей инстанции, придающей внешнюю огранку тем или иным познавательным величинам. В предвосхищении блокируя перевод гносеологии в социологию (привлечение внешнего для оправдания внутреннего), тот же Пирс, в продумывании наращивания респектабельности жизненных знаний выделяя (на персональном уровне) метод упорства; (на групповом уровне) метод авторитета; автономизирует (на уровне мыследеятельности) метод науки – логико-эмпирическую стандартизацию – фигуры удостоверительных техник на базе объемного дедуктивно-индуктивно-традуктивно-абдуктивного доказательства.

Камень преткновения нетрадиционной гносеологии – неспособность рефлексировать «социальность» под углом зрения собственно знания, неумение инкорпорировать ее (не как «функционализированное мышление») в структуру мыслительных актов.

Общий вывод. Тема: общество и мысль, универсум размышления и культура – более глубока, нежели многие ее исполнения. В пределах гносеологии она не может иметь развития в социологической парадигме «условие». В законодательном круге посторонней воли, давящих обстоятельств способны очутиться как некоторые, так и все (распад сознания каждого с психическим единством всех), но данные казусы существования успешно осваиваются надлежащими негносеологическими дисциплинами. Составляющее круг *animus possidendi* гносеологии – не уточнение восприятия действительности через призму господствующих образцов в контексте распространенных мнений, а уточнение сути господствующих образцов через призму восприятия действительности в контексте символической социально-исторической жизни. Подобный ход напрочь изгоняет презумпцию *sub specie aeternitatis* в трактовке природы знания, заменяя ее презумпцией *sub specie humanitatis*. Субъект как суверен познания трансформируется в субъекта как суверена стилистически консолидированного сознания с аутентичным *imago mundi*.

Ключевые слова: истина, социальность, познание.